

П. Мутафчиевъ. *Селското землевладѣние въ Византия.* Софя. 1910. 72 стр. 8°. Отд. отт. изъ Сборника за народни умотворения, наука и книжнина XXV.

По поводу диссертациі Б. А. Панченко (Крестьянская собственность въ Византии) молодой болгарскій ученый Мутафчиевъ, ученикъ проф. Златарскаго, счелъ нужнымъ обслѣдовать еще разъ Земледѣльческій законъ, которымъ раньше занимались Пахаріэ фонъ-Лингенталь, Васильевскій и Павловъ. Г. Панченко старался доказать, что собственность является по Земледѣльческому закону личной и полной, распространяясь одинаково на пашни, рощи, виноградники, плантаціи, усадьбы, что въ Земледѣльческомъ законѣ нѣтъ указаній на общинное землевладѣніе, т. е. на право сельскаго общества въ отношеніи къ участкамъ, находящимся въ рукахъ отдѣльныхъ хозяевъ. Г. Панченкъ, не согласившемся съ мнѣніемъ Пахаріэ, Васильевскаго и Павлова, находившимъ въ Земледѣльческомъ законѣ указаніе на общинное землевладѣніе, г. Мутафчиевъ дѣлаетъ сильныя возраженія. Признавая, что въ Земледѣльческомъ законѣ говорится и о личной крестьянской собственности, онъ указываетъ на шесть статей, гдѣ по его мнѣнію имѣются ясныя указанія на общинное землевладѣніе, и подвергаетъ тщательному разбору относящіяся сюда статьи. Нельзя не согласиться съ г. Мутафчиевымъ, что двѣ статьи о мельницѣ (ст. 78 и 79 по изданію Феррини въ *Byzantinische Zeitschrift* Bd. VII, p. 567) истолкованы г. Панченко неправильно и, прибавлю отъ себя, разъяснены имъ мало вразумительно.

Статья 78 въ древнѣйшей редакціи, изданной Феррини, читается такъ: Ἐάν τις οἰκῶν ἐν χωρίῳ διαγνώσῃ τόπον κοινόν ὄντα ἐπιτήδειον εἰς ἐργασίαν ἢ εἰς ἐργαστήριον τελειώσῃ (по московскому списку ἐπιτήδειον εἰς ἐργαστήριον μύλου καὶ τοῦτον προκατάσχη, ἔπειτα δὲ μετὰ τὴν τοῦ ἐργαστηρίου τελείωσιν) ἐάν ἢ τοῦ χωρίου κοινότης καταβοᾷ αὐτόν ὡς κοινόν ὄντα τόπον (καταβοᾷσι τοῦ τοῦ ἐργαστηρίου κυρίου, ὡς ἴδιον τὸν κοινόν τόπον προκατάσχοντος), πᾶσαν τὴν ἕξοδον πάντες κοινῶς δότωσαν καὶ ἔστω κοινόν τὸ κατεσκευασθὲν ἐργαστήριον (πᾶσαν τὴν ὀφειλομένην αὐτῷ δότωσαν καταβολὴν εἰς τὴν τοῦ ἐργαστηρίου ἕξοδον καὶ ἔστωσαν κοινωνοὶ τῷ προεργασαμένῳ). Между обѣими редакціями нѣтъ существенной разницы (въ текстѣ Феррини очевидно выпали нѣкоторыя слова), и смыслъ статьи по моему мнѣнію совершенно ясенъ. Если, гласитъ Земледѣльческій законъ, селянинъ поставить мельницу на общемъ участкѣ и сельская община заявить претензію, что хозяинъ мельницы занялъ общій участокъ, какъ бы свой собственный, то всѣ сообща должны покрыть понесенные имъ расходы, и мельница должна быть признана общей ихъ собственностью. Съ этой статьѣй необходимо сопоставить вслѣдъ за ней слѣдующую, которая гласитъ: Если послѣ раздѣла сельской земли кто-нибудь построитъ мельницу на своемъ участкѣ, крестьяне, которымъ достались остальные участки, не имѣютъ права возражать что нибудь противъ этого.

Толкуя первую статью, г. Панченко пишетъ, что слово *κλήρος* остается для него неразъясненной загадкой, что понятія *κλήρος* и *ἔδος* постоянно протипологаются въ источникахъ, что въ статьѣ о мельницахъ собственникомъ земли является село, что статья эта касается земли, бывшей и оставшейся нераздѣленной, и затѣмъ вдругъ приходитъ къ такому выводу: «Съ помощью особенно драгоцѣннаго текста, изданнаго Феррини, разъяснилось, что во всемъ памятникѣ нѣтъ ни одного текста, противорѣчащаго положенію, что аграрныя отношенія по Крестьянскому (Земледѣльческому) закону основаны на личной крестьянской собственности. Рядомъ и одновременно съ таковою существуетъ нераздѣленная территория, находящаяся въ коллективной собственности села. Объ этой-то нераздѣленной территоріи говорятъ спорныя статьи о мельницахъ, многократно привлекавшіяся и бросившія ложный свѣтъ на все содержаніе Крестьянскаго закона. Съ разъясненіемъ ихъ скромнаго смысла отпадаютъ послѣдніе устои предполагаемой славянской или иной земельной общины по Крестьянскому закону, сильно запутавшей византійскую внутреннюю исторію» (стр. 70—71). Коллективная собственность села, которую признаетъ г. Панченко, несомнѣнно одинъ изъ признаковъ сельской общины. Но онъ повидимому полагаетъ, что право коллективной собственности на какіе-нибудь ничтожные клочки, напр. только на пастбища, еще не составляетъ общиннаго землевладѣнія. Въ статьяхъ о мельницѣ заключается однако больше того, чѣмъ усмотрѣлъ въ нихъ г. Панченко. «Статья эта, замѣчаетъ онъ, ограждаетъ интересы предпринимателя, гарантируя ему возмѣщеніе убытковъ въ противоположность римскому положенію: *superficiis cedit solo*, сооруженія на чужой землѣ поступаютъ въ пользу ея собственника безвозмездно» (стр. 68). Г. Панченко не обратилъ вниманія на то существенное обстоятельство, что крестьянинъ строитъ мельницу не на чужой землѣ, а на своей, на своей въ томъ смыслѣ, что этотъ общій участокъ въ извѣстной неподѣленной долѣ принадлежитъ и ему, и мельница, которую онъ безъ согласія другихъ односельчанъ построилъ, послѣ выкупа принадлежитъ и ему сообща со всѣмъ селомъ. Вторая статья о мельницѣ дополняетъ первую и наводитъ на нѣкоторыя размышленія. Если крестьянинъ на своемъ собственномъ участкѣ (какъ понимаетъ текстъ г. Панченко) построить мельницу, то другіе крестьяне не въ правѣ выражать по этому поводу никакихъ претензій. Зачѣмъ понадобилась такая странная статья? Если послѣ раздѣла земли каждому крестьянину отдана его доля въ полную собственность, то само собой разумѣется, что на собственномъ участкѣ онъ имѣетъ право построить мельницу. Допустимъ, однако, что законодатель любилъ многословіе и хотѣлъ сказать: мельницу, какъ сооруженіе полезное, всякій имѣетъ право строить на своей землѣ, и сосѣди на это претендовать не могутъ. Тогда и надо было бы говорить о сосѣдяхъ, которыми могли оказаться и не односельчане. Но здѣсь отдѣльный крестьянинъ, собственникъ или владѣлецъ одного участка, противопоставляется собственникамъ

или владѣльцамъ остальныхъ участковъ, т. е. участковъ той земли, которая между всѣми ними была подѣлена. Значить, крестьяне могли какъ будто бы заявить претензію нецѣпую, если предполагать, что они разъ на всегда подѣлили между собой землю въ наследственную собственность каждаго. Естественно напрашивается слѣдующее соображеніе: если за всѣмъ селомъ въ его совокупности осталось право собственности на всю подѣленную землю, если каждому крестьянину данъ отдѣльный участокъ не въ собственность, а только во владѣніе, у односельчанъ могла появиться претензія на мельницу, построенную на подѣленномъ участкѣ, и законодатель говоритъ, что подобная претензія была бы неосновательна. Г. Мутафчиевъ справедливо замѣчаетъ, что *κοινὸς τόπος* и *ager publicus* не одно и то же, какъ думаетъ г. Панченко, и указываетъ на то, что мы не находимъ мельницъ въ общей собственности тамъ, гдѣ частная собственность достигла высокаго развитія (стр. 43).

Въ статьѣ объ убѣжавшемъ крестьянинѣ болгарскій ученый видитъ также указаніе на общинное землевладѣніе. Статья эта сохранилась въ двухъ различныхъ редакціяхъ, которыя г. Панченко обошелъ молчаніемъ, не пытаясь даже объяснить или согласовать ихъ. По изданію Феррини статья 19 гласитъ: Если крестьянинъ, убѣжавъ съ своей земли, будетъ платить всѣ причитающіяся съ него подати, крестьяне, снимающіе жатву съ его поля и имъ владѣющіе, должны уплатить штрафъ въ суммѣ двойной противъ дохода, который они извлекли. Г. Мутафчиевъ считаетъ эту редакцію неправильной и основательно замѣчаетъ, что крестьянинъ могъ бросить свой участокъ только отъ бѣдности и что въ такомъ случаѣ онъ едва-ли въ состояніи былъ уплачивать подати. Поэтому г. Мутафчиевъ находитъ болѣе правильной редакцію московскаго списка, которая гласитъ: если крестьянинъ убѣжить съ своей земли, то ежегодно подати должны платить тѣ, кто снимаетъ жатву съ его земли и ей владѣеть, если же они этого не дѣлаютъ, должны уплатить штрафъ въ двойномъ количествѣ. По этому поводу г. Панченко пишетъ: «Нѣтъ въ Законѣ ни круговой поруки, ни отвѣтственности общиннаго союза, какъ корпораціи, передъ государствомъ за неисправнаго плательщика, нѣтъ и правъ общины на недоимочную землю. Даже участокъ, оставленный хозяиномъ, ушедшимъ на сторону, не подлежитъ возврату въ пользу общины. Однажды образовавшаяся личная собственность остается таковою даже и въ подобномъ случаѣ. Возвращеніе крестьянина на его участокъ восстанавливаетъ его во владѣніи. Ст. 18 (по изд. Феррини) обезпечиваетъ не права собственника, которыя въ этомъ не нуждаются, но безнаказанность тѣхъ, кто пользовался землею въ его отсутствіе. Такое пользованіе допускается лишь въ томъ случаѣ, когда ушедшій пересталъ платить подати: если же онъ продолжалъ вносить ихъ, то пользованіе со стороны кого-либо изъ близкихъ имъ односельчанъ наказывается (ст. 19 по изд. Феррини), какъ присвоеніе чужого имущества, штрафомъ въ двойномъ размѣрѣ извлеченнаго дохода. Къ пользованію допускается

лишь тѣ, на кого ложатся подати съ покинутого участка. Конечно, пользование не есть прекращеніе собственности ушедшаго хозяина, но лишь компенсация въ пользу платящихъ за него подати. Не сказано, чтобы пользование разрѣшалось всему обществу: оно разрѣшалось тѣмъ, кто былъ привлеченъ къ уплатѣ податей. Известно, что законодательство привлекало къ несенію податныхъ тяготъ лицъ ближайшихъ, отдавая имъ запустѣвшія земли по системѣ *ἐπιβολή* (стр. 85—86). Институтъ *ἐπιβολή*, хотя извѣстенъ, но недостаточно обследованъ, и г. Панченко слѣдовало бы подробнѣе его разработать. Юстиніанова новелла 128-я (ed. Schoell-Kroll, p. 639) говоритъ напр. не о крестьянскомъ хозяйствѣ, а о помѣщикахъ, имѣющихъ крѣпостныхъ и обязанныхъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ принять на себя заброшенные участки и платить за нихъ подати. Обѣ редакціи вышеприведенной статьи Земледѣльческаго закона говорятъ о крестьянинѣ, бросившемъ свой участокъ, и о томъ, что другіе люди имѣютъ право пользоваться его участкомъ. Нельзя не замѣтить существенной разницы между этимъ случаемъ и такъ называемой *ἐπιβολή*. *Ἐπιβολή* это повинность, обязанность по требованію правительства принять на себя заброшенную землю. Земледѣльческій законъ говоритъ не объ обязанности, а о правѣ другихъ людей, надо думать, односельчанъ ушедшаго крестьянина пользоваться покинутымъ его участкомъ подъ однимъ условіемъ, платить за него подати. Г. Панченко считаетъ, что тутъ нѣтъ указанія на круговую поруку и дѣйствительно прямого указанія нѣтъ. Но круговая порука извѣстна и римскому и византійскому праву, поэтому и въ данномъ случаѣ она представляется вѣроятной. Если мы допустимъ ея существованіе, станетъ совершенно понятнымъ, что односельчане имѣли право пользоваться брошеннымъ участкомъ. Однако само собою разумѣется, что ни къ какимъ прочнымъ выводамъ нельзя придти на основаніи одной статьи, сохранившейся при томъ въ неисправномъ видѣ. Интересенъ для насъ фактъ, что крестьянинъ бросалъ иногда принадлежавшій ему участокъ, бросалъ свою собственность. Г. Панченко принимаетъ текстъ въ редакціи, изданной Феррини, допускаетъ, что крестьянинъ могъ бросить свою землю и все же платить за нее подати, ничего изъ нея не извлекая. Дѣйствительно, возможно предположеніе, что крестьянинъ бросилъ свой участокъ не по крайней нуждѣ, а потому, напр., что отправился въ городъ за заработки и изъ этого своего заработка онъ платитъ подать за свою землю. Такое предположеніе возможно только въ одномъ случаѣ, если участокъ, покинутый крестьяниномъ, не составлялъ его собственности, если земля дана ему была только во владѣніе, если передъ своими односельчанами онъ обязался вносить извѣстную подать и съ этимъ условіемъ былъ ими отпущенъ. Бросить же собственную землю, не извлекая изъ нея никакихъ доходовъ и все же платить подати, это для всѣхъ временъ черезчуръ глупо. Земледѣльческій законъ говоритъ о крестьянинѣ, впавшемъ въ нужду и бѣжавшемъ со своего участка. Почему же онъ не продалъ свою землю?

Продать землю не возможно, когда она чрезмѣрно обложена податями и обезцѣнена. Но Земледѣльческій законъ предусматриваетъ, что найдутся охотники воспользоваться покинутымъ участкомъ. Спрашивается, имѣлъ ли право крестьянинъ продать свою землю?

Однимъ вѣрнымъ замѣчаніемъ г. Панченко нанесъ самому себѣ очень сильный ударъ. «Полнота индивидуальныхъ правъ крестьянъ на ихъ нивы, говоритъ онъ, выражена въ Законѣ, хотя не всесторонне: не достаетъ общихъ положеній о наслѣдованіи и отчужденіи, такъ какъ общія гражданскія права не являются предметомъ памятника» (стр. 77). Дѣйствительно, Земледѣльческій законъ не говоритъ, что крестьянинъ имѣлъ право передать по наслѣдству или продать свой участокъ и доказать это на основаніи Земледѣльческаго закона невозможно. Методъ, которому слѣдуетъ г. Панченко, не можетъ привести вообще къ прочнымъ выводамъ. Авторъ желаетъ на основаніи Земледѣльческаго закона и его одного доказать, что въ Византіи не существовало общиннаго землевладѣнія. Значительное большинство статей этого закона ничего не говоритъ ни за общину, ни противъ нея. Заниматься истолкованіемъ, по необходимости гадательнымъ, нѣсколькихъ мѣстъ единственнаго юридическаго памятника, не привлекая другого матеріала, это значитъ топтаться на мѣстѣ, не идти впередъ, превращать научное изслѣдованіе въ рядъ догадокъ, которыя легко опровергнуть другими догадками.

Начинающій г. Мутафчиевъ пошелъ всетаки нѣсколько далѣе и, стремясь опровергнуть г. Панченко, обратилъ вниманіе на два документа, указывающіе, по его мнѣнію, на общинное землевладѣніе. Это двѣ тяжбы, сохранившіяся въ Латрскомъ кодексѣ и въ кодексѣ монастыря Лембиотиссы. Оба документа извѣстны г. Панченкѣ, онъ излагаетъ ихъ содержаніе, но безъ всякой связи съ Земледѣльческимъ закономъ и при томъ не совѣмъ вѣрно. Первую тяжбу г. Панченко передаетъ слѣдующимъ образомъ. «Юридическое состояніе поля Спанова было неясно, и даже не было установлено, отъ какого владѣльца оно получило свое имя. Предметомъ спора являлось, принадлежало ли оно прежде крестьянину того села Вари, на территоріи котораго оно находилось, или же принадлежало нѣкогда крестьянину Спану, числившемуся среди париковъ-хозяевъ села Приновари. Въ 1229 г. сакелларіемъ Варипатомъ были отобраны показанія обѣихъ тяжущихся сторонъ. Онъ вызвалъ со стороны Приноваритовъ всѣхъ домохозяевъ. Со стороны монастыря были отобраны показанія отъ хозяевъ монастырскаго села Вари. Мы, показывалъ старый монахъ Хамокрить изъ париковъ-домохозяевъ Вари, владѣли полемъ Спана до сихъ поръ, когда Приновариты, воспользовавшись отлучкою игумена, выѣхали всѣмъ селомъ на означенное поле и засѣяли его въ одинъ день. Приновариты, съ своей стороны, показывали единогласно, что поле пздавна принадлежало парикѣ ихъ села Спану. Монастырскіе люди возражали на это, что въ Вари былъ парикъ того-же имени. Дѣло окончилось однако соглашеніемъ, и Приновариты сами предложили игумену

собственноручно вырыть три межевые камня, означавшіе предѣлы Спанова поля, что игумень и исполнилъ. Спорное поле было ограничено такимъ образомъ постоянными межевными знаками, выдѣлявшими его изъ территоріи села Вари. Къ какому селу ни былъ приписанъ его первоначальный собственникъ, давший полю свое имя, онъ владѣлъ имъ на правахъ отдѣльной и независимой, неограниченной временемъ собственности. Устраненіе межевыхъ столбовъ означало включеніе Спанова поля въ общую массу монастырской недвижимости въ селѣ Вари, къ которой оно до того не принадлежало, хотя находилось среди полей и внутри округа села. Собственникомъ этого отдѣльнаго поля былъ парикъ. Жители обоихъ селъ, Вари и Приноварц, были париками, и документъ опредѣленно называетъ Спана парикомъ. Однако онъ былъ полнымъ собственникомъ и его земля была обозначена межевными камнями. Парики Приновариты являются стороною, тяжущоюся съ монастыремъ, ихъ проіаръ совсѣмъ не упоминается въ документѣ; со стороны же монастырскаго села крестьяне выступаютъ лишь свидѣтелями. Но изъ ихъ показанія видно, что они, парики монастырскаго села, считали себя его владѣльцами. Спорное поле было приписано къ монастырскому селу, не къ монастырю непосредственно» (стр. 95 — 96). Г. Мутафчѣевъ съ такимъ выводомъ несогласенъ и вполне основательно указываетъ на то, что участокъ Спана состоялъ изъ пахатной земли, что крестьяне Приновари, считая, что земля эта принадлежала прежде ихъ односельчанину, завладѣли ей и засѣяли ее всѣмъ селомъ, т. е. всей общиной, что права оказалась противная сторона, и спорная земля стала собственностью села Вари (стр. 52). Г. Панченко дѣло изложено съ предвзятой точки зрѣнія и съ нимъ дѣйствительно согласиться нельзя. Между монастыремъ Лемвотиссы и селеніемъ Приновари возникла тяжба, предметомъ которой было поле, такъ называемое Спаново. Самымъ существеннымъ являются показаніе Хамокрита и доказательство, которое приводятъ въ свою пользу Приновариты. Хамокритъ показалъ: воспользовавшись отсутствіемъ нашего игумена, Приновариты ворвались въ поле Спаново и всѣми волами своего селенія въ одинъ день обработали его. На это Приновариты возражали: намъ извѣстно, что это поле много лѣтъ тому назадъ находилось во владѣніи нашего односельчанина крѣпостнаго (συμπροίκου) прозываемаго Спаномъ, ибо былъ въ Приновари парикъ, прозываемый Спаномъ. Если допустить вмѣстѣ съ г. Панченко, что спорное поле представляло личную собственность Спана, то надо признать, что Приновариты не привели въ свою пользу никакого доказательства. Спаново поле, какъ выморочное, должно было перейти въ казну (Cod. J. X, 10). А съ другой стороны раздавались голоса, что и въ Вари былъ парикъ, по имени Спанъ, и на этомъ основаніи селеніе Вари могло требовать себѣ спорный участокъ. Г. Панченко придаетъ большое значеніе межевнымъ знакамъ, межевнымъ камнямъ и столбамъ. Невозможно видѣть въ этихъ столбахъ казенные межевые знаки, по всей вѣроятности это

были небольшіе столбики, вырыть которые было очень легко. Одинъ изъ домохозяевъ селенія Приновари подалъ игумену заступъ, и игумень тутъ же при всѣхъ вырылъ три столба. Изъ этого позволительно заключить, что крестьяне указывали не на казенные межевые знаки, а на столбы, которые они сами поставили, захвативъ Спаново поле. Поэтому Приновариты и говорятъ игумену: если ты уничтожишь столбы, мы отказываемся отъ этого поля, другими словами, наше согласіе снять столбы, которыми мы отмѣтили Спаново поле, послужить доказательствомъ, что мы его больше не признаемъ своимъ. Едва ли игумень рѣшился бы вырыть казенные межевые знаки. «Спорное поле, говоритъ г. Панченко, было приписано къ монастырскому селу, не къ монастырю непосредственно». Цитата указываетъ на показаніе Хамокрита. Онъ сообщилъ, что еще раньше вышеупомянутаго захвата Спанова поля Приноваритами, оно было отнято у Приноваритовъ и возвращено селенію Вари, принадлежавшему тогда монастырю Пандократора, а теперь принадлежащему монастырю Лемвиотиссы, и съ тѣхъ поръ они, крестьяне села Вари, владѣли имъ. Слова Хамокрита опровергаютъ г. Панченко. Онъ не сказалъ: поле Спаново было нашей собственностью. Онъ сказалъ: мы владѣли (*ἡμεῖς ἐκβόρευοι, νομῆ* отличается отъ *δεσποτεῖα*, право владѣнія отъ права собственности). Изъ этихъ двухъ очень важныхъ словъ «мы владѣли» ясно видно, что жившіе въ Вари крѣпостные сообщали владѣли землей и что земля не составляла ихъ собственности. На какомъ основаніи г. Панченко такъ рѣшительно утверждаетъ, что собственникомъ отдѣльнаго поля былъ парикъ Спанъ? На томъ единственномъ основаніи, что «земля его была обозначена межевными камнями». Но хорошо извѣстно, что при общинномъ землевладѣніи въ Великороссіи межи проводятся между крестьянскими надѣлами, которые однако не отданы въ полную собственность отдѣльнымъ крестьянамъ. Хотя теоретически парики могли имѣть недвижимое имущество, въ дѣйствительности это представляло рѣдкое исключеніе, и крѣпостные потому и назывались париками, что сидѣли на чужой землѣ. Изъ разбираемаго документа ясно видно, что земля, которую обрабатывали крѣпостные, жившіе въ Вари, была собственностью монастыря Лемвиотиссы, и потому не составляло никакой разницы, приписано-ли было спорное поле къ монастырскому селу или къ монастырю непосредственно.

Второй документъ, на который указываетъ г. Мутафчиевъ, это отрывокъ Латрскаго кодекса (Miklosich et Müller. Acta graeca, V 256 — 258), невѣрно изложенный г. Панченко. Въ документѣ (третьемъ отрывкѣ Латрскаго кодекса), отъ котораго сохранилось только начало, говорится, что монастырь Ксирохорафа велъ тяжбу съ крестьянами села Сампсона относительно поля, называемаго Акросъ; монахи говорили, что спорная земля принадлежит имъ, крестьяне напротивъ утверждали, что это ихъ земля. Важно здѣсь то, что процессъ ведется всѣмъ селомъ и слѣдовательно Акросъ, по его мнѣнію, принадлежалъ всѣмъ крестьянамъ сообща.

На это обстоятельство г. Панченко не обратилъ никакого вниманія и написалъ по этому поводу слѣдующее: «Монахи жаловались, что Фока и крестьяне завладѣли нѣкоторыми землями въ оемѣ Меандра, такъ что монастырь почти не получалъ съ нихъ дохода; одновременно было указано севастократору Асидину, что парики его и парикъ его зятя севаста Фоки захватили пахатныя земли монастыря, изъ чего видно, что крестьяне Сампсона были париками одного изъ названныхъ знатныхъ владѣльцевъ. Въ отрывкѣ третьяго указа сообщается, что дѣло шло о χωράφια τοῦ Ἰεροῦ, и что на судъ императора явились монахи съ одной стороны и крестьяне Сампсона съ другой» (стр. 148 — 149). Второй и третій отрывокъ самостоятельные документы, не имѣющіе между собой ничего общаго кромѣ того, что оба относятся къ тому же монастырю. Второй отрывокъ—приговоръ императора. Въ немъ говорится, что парики Асидина и Фоки захватили землю, принадлежащую монастырю, постановлено, чтобы земля эта была возвращена монастырю, и не сказано, чтобы парики Фоки или Асидина были крестьянами Сампсона. Въ третьемъ отрывкѣ крестьяне Сампсона прямо названы эпиками, т. е. не крѣпостными, а свободными, и отождествленіе поля, называемаго Акросъ, съ тѣмъ спорнымъ полемъ, о которомъ состоялся императорскій приговоръ, ни на чемъ не основано.

Ссылаясь на Θ. И. Успенскаго, г. Мутафчиевъ указываетъ еще на новеллы X вѣка, но непосредственно ими не пользуется и не извлекаетъ изъ нихъ существенныхъ данныхъ, которыми онъ могъ бы еще лучше опровергнуть г. Панченко. Мнѣ приходилось уже указывать, что въ извѣстныхъ новеллахъ, изданныхъ въ защиту крестьянъ, говорится и о личномъ, и объ общинномъ землевладѣніи (Виз. Врем. т. VII). Въ новеллѣ Константина Багрянороднаго 947 года сказано, что особамъ запрещается покупать земли у сельской общины или у отдѣльныхъ ея членовъ (Jus Gr.-rom. III, 253 ἀπὸ τῆς τῶν χωρίων ὀμάδος ἢ τοῦ καθέκαστου). Въ той же новеллѣ предусматриваются два случая, когда продавцомъ былъ отдѣльный крестьянинъ и когда продавцомъ являлась крестьянская община (III, 254 ὁ δὲ πωλήσας τῶν ἀπόρων ἐστίν... εἰ δὲ ὀμάς ἦν ἢ πωλήσασα). Въ новеллѣ Романа младшаго находимъ выраженіе: отрѣзать участокъ отъ сельской общины (III, 283 τόπον ἀπὸ τῆς ὀμάδος τοῦ χωρίου ἀποτεμεῖν). Тотъ же законъ говоритъ о собственности крестьянской общины (III, 283 ἀντὶ τῶν τιμημάτων τῶ ἀγοραστῆ πρὸς τὴν κοινότητα αὐτῆς πλινδρομῆ ἢ τῶν τόπων χρῆσις, τῆς δὲ δεσποτείας μηδέποτε τούτων οἱ πένητες ἐκπίπτωσι). Въ новеллѣ Василія II 996 г. (III, 313 — 314) читаемъ слѣдующее: Случается, какъ говорятъ, во многихъ селеніяхъ, что крестьянинъ строить на своемъ участкѣ (εἰς τὸν ἴδιον τόπον) церковь и отдаетъ ей свою долю (τὴν ἰδίαν μοῖραν) съ согласія своихъ односельчанъ, затѣмъ дѣлается самъ монахомъ и поселяется при церкви на всю жизнь; также поступаютъ и еще одинъ и другой крестьянинъ и такимъ образомъ тамъ оказываются два и три монаха; послѣ ихъ смерти мѣстный митрополитъ или епископъ захватываетъ церковь, присваиваетъ ее себѣ

и называетъ монастыремъ. Мы повелѣваемъ, чтобы возникшіе такимъ образомъ молитвенные дома (ибо мы не хотимъ называть ихъ монастырями) были возвращены опять убогимъ и молитвенные дома, оставаясь молитвенными домами, должны принадлежать селеніямъ (Васплевскій перевелъ: остаются подъ властію сельской общины). Въ этой новеллѣ совершенно опредѣленно сказано, что для отчужденія крестьянской доли требовалось согласіе общины. Затѣмъ надо обратить вниманіе на то, что императоръ повелѣваетъ возвратить крестьянамъ построенные ими монастырьки конечно вмѣстѣ съ отведенной имъ землей. Кому же возвратить монастырекъ, когда жертвователи давно умерли, когда умерли можетъ быть и ихъ дѣти, такъ какъ новелла не признаетъ давности? Исполнить повелѣніе царя можно было только однимъ способомъ, возвративъ монастырекъ съ отведенной ему землей тому селенію, къ которому принадлежали жертвователи, т. е. сельской общинѣ, какъ совершенно вѣрно переводилъ В. Г. Васильевскій. Новелла отличаетъ участокъ крестьянина отъ его доли, можетъ быть здѣсь имѣются въ виду собственность крестьянина и надѣлъ, которымъ онъ только владѣетъ и который составляетъ собственность общины. Оттого для отчужденія крестьянской доли требуется согласіе односельчанъ, согласіе общины.

Новеллы X вѣка, которыя г. Панченко совѣмъ отбросилъ, помогаютъ понять Земледѣльческій законъ и должны быть привлечены вмѣстѣ съ другими документами. Стараясь разъяснить, что такое мортиты (арендаторы-десятинники), г. Мутафчиевъ пользуется исключительно двумя статьями Земледѣльческаго закона, между тѣмъ какъ о мортитахъ говорится и въ монастырскихъ актахъ. Въ 1259 и 1262 г. возникъ споръ между Патмоскимъ монастыремъ и селеніемъ Малахіи по поводу участка земли, называвшагося Петаки (Acta graeca VI, 210 — 213). Признано было, что спорная земля никогда не представляла собственности эпкковъ (свободныхъ крестьянъ) Малахіотовъ, что они обрабатывали эту казенную землю въ качествѣ мортитовъ, т. е. арендаторовъ, и поэтому земля по царскому повелѣнію должна быть отдана Патмоскому монастырю. Существенно здѣсь то (и этого какъ разъ не отмѣтилъ г. Панченко), что крестьяне селенія Малахіи сообща арендовали землю и что не къ отдѣльнымъ крестьянамъ, а ко всему селенію предъявлено было требованіе представить документы на право собственности. Спрашивалось, не составляетъ ли спорная земля наследственной собственности всѣхъ Малахіотовъ, иначе говоря, крестьянской общины (VI, 211 *εἴπερ εὐρομεν εἶναι διαφέρον ταύτη τοῖς Μαλαχιώταις ἐποίκοις ἐπὶ γονικῷ δικαίῳ*)? Въ этомъ документѣ отличается владѣніе арендатора-мортита (VI, 212 *ἢ γὰρ ἐπὶ μортῆ τοῦτων νομῆ*) отъ собственности того, кому уплачивается аренда (VI, 213 *ἐκείνου ἣν τοῦ λαμβάνοντος τὴν μортὴν δεσποτικῷ δικαίῳ*), и есть намекъ, что мортитъ могъ передать свою аренду по наследству. О сдачѣ земли исполу говорится въ одной схолии къ Василикамъ (Basil. I. XII,

tit. I, p. 751 ἀγρὸν δέδωκα γεωργῶ, ὡς αὐτὸν μὲν γεωργεῖν, κοινούς δὲ εἶναι τοὺς καρπούς).

И. г. Панченко и г. Мутафчиевъ (стр. 13) стараются разъяснить юридическіе термины, встрѣчающіеся въ Земледѣльческомъ законѣ, исключительно на основаніи одного Земледѣльческаго закона, пренебрегая другими источниками. Ἀγρός, τόπος, χωρίον, σκαρφίον, κοινότης, ἴδιος термины, которые обязанъ разъяснить всякій занимающийся Земледѣльческимъ закономъ. Два первыхъ слова объяснены въ Василикахъ. Въ византийскомъ сводѣ законовъ сказано: Ἀγρός λέγεται ὁ χωρὶς τῆς κώμης ἤτοι τῶν οἰκημάτων τόπος (Basil. I. II, tit. II, cap. 25). Ὁ δὲ χωρὶς οἰκοδομῆς τόπος ἐν πόλει μὲν ἔδαφος λέγεται, ἐν χωρίῳ δὲ ἀγρός προσαγορεύεται (Basil. I. II tit. II, cap. 203). Ἀγρός деревенская земля въ отличіе отъ городской не застроенной земли, χωρίον и κώμη синонимы, то и другое означаетъ селеніе въ противоположность городу. Τόπος значить не только мѣсто вообще, но и земельный участокъ: ὁ τόπος μέρος ἀγροῦ ἐστίν, ὁ δὲ ἀγρός ὁλόκληρόν τί ἐστι καὶ ὡς ἐπίπαν χωρὶς τῶν οἰκημάτων (Basil. I. II, tit. II, cap. 57).

Κοινότης и κοινώνια термины извѣстные римскому праву. Словомъ κοινώνια переводилось латинское societas товарищество и въ законѣ говорится о земельномъ товариществѣ (Basil. I. XII. tit. I, cap. 50 δοθῆ ἀγρός εἰς ἐργάσαι πρὸς τὸ κοινοποιεῖσθαι τοὺς καρπούς). Κοινότης встрѣчается также въ примѣненіи къ общему владѣнію землей (Basil. I. XII, tit. II, 6 ἐὰν ἀπὸ μισθώσεως ἢ γεωργίας τοῦ κοινοῦ ἀγροῦ σχῆ ὁ εἰς εἰ μὲν ὀνομαζι τῆς κοινοτητος οὔτε κερδάνει οὔτε ζημιούται = sive autem locando fundum communem sive colendo de fundo communi quid socius consecutus sit, communi dividendo iudicio tenebitur, et si quidem communi nomine id fecit, neque lucrum neque damnum sentire eum oportet (Dig. I. X, tit III, cap 6). Κοινότης Земледѣльческаго закона надо сопоставить съ ὄμας, выраженіемъ, не разъ встрѣчающимся въ новеллахъ. Оно также извѣстно римскому праву. О вещахъ въ Василикахъ (I. XLVI, tit. III, cap. 2) говорится, что онѣ τινὰ πάντων εἰσι, τινὰ τῆς ὀμάδος (Dig. I. I, tit. 8, cap. 2 quaedam naturali iure communia sunt omnium, quaedam universitatis) и далѣе: τῆς ὀμάδος εἰσι τὰ κοινὰ τῶν πόλεων, οἶον θεάτρον, στάδιον (universitatis sunt, non singulorum veluti quae in civitatibus sunt theatra et stadia et similia et si quae alia sunt communia civitatum). Въ схолии къ Василикамъ употреблено выраженіе ὄμας τῆς πόλεως, соответствующее ὄμας τοῦ χωρίου въ новеллахъ; городъ и городская община, село и сельская община. Съ точки зрѣнія римскаго права сельская община представляла societas товарищество. Σκαρφίον Земледѣльческаго закона надо сопоставить съ μοῖρα въ новеллѣ, ἴδιος ἀγρός Земледѣльскаго закона съ ἴδιος τόπος и ἴδια μοῖρα. Г. Панченко и г. Мутафчиевъ считаютъ, что прилагательное ἴδιος значить собственный, и что если въ Земледѣльческомъ законѣ говорится о собственномъ полѣ крестьянина, поле это составляло его полную собственность. Не подлежитъ сомнѣнію, что въ приложеніи къ вещи терминъ ἴδιος

употребляется въ законахъ въ такомъ смыслѣ и противопологается ἀλλότριος, чужой вещи (Basil. I. II, tit. III. cap. 61 ἐξέστιν ἐλάχιστῳ τῶν ἴδιον οἶκον ἀναγεῶν, I. XII, tit. I cap. 68 οὐ δύνανται πλέον τοῦ ἴδιου μέρους ὁ κοινωνός ἐκποιεῖν). Но въ Василикахъ встрѣчается ἴδιος и въ примѣненіи къ лицамъ, напр. его должникъ (Basil. I. XI. tit. I cap. 68 ἐγγράφῃ τις ὑπὸ τοῦ ἴδιου χρεώστου), свой братъ (Basil. I. XI, tit. II cap. 27 ἐξεδίκεται τις ἴδιου ἀδελφοῦ κληρονομίαν), свои крестьяне (Basil. I. XXII, tit. I cap. 78 πολλοὶ ἀποδείξεις ποιοῦσιν ἢ γεωργοῖς ἴδιοις περὶ προσόδων ἢ χρεώσταις ἴδιοις περὶ τόκων). Какъ видно изъ источника Василикѣ (Cod. J. I. IV, tit. 21 cap. 19) рѣчь идетъ о крѣпостныхъ, которые не были собственностью помѣщика наравнѣ съ рабами. Для правильнаго истолкованія Земледѣльческаго закона очень важно рѣшить вопросъ, можно ли было употреблять терминъ ἴδιος только въ тѣхъ случаяхъ, когда рѣчь шла о собственности о δεσποτεία, или также тогда, когда имѣется въ виду только νομὴ владѣніе. Можно признать, что ἴδιος τόπος наряду съ ἴδια μοῖρα въ одной и той же фразѣ въ вышеупомянутой новеллѣ Василія II тавтологія и обычное византийское многословіе, но нельзя отрицать, что крестьянинъ не имѣлъ права отчуждать свою долю безъ согласія своихъ односельчанъ. Выраженіе доля указываетъ на предшествовавшее дѣленіе земли и нисколько не противорѣчитъ тѣмъ порядкамъ, съ которыми знакомитъ насъ Земледѣльческій законъ. Во всякомъ случаѣ не κοινότης, а ἴδιος ἀγρόςъ остается до сихъ поръ загадкой и повидимому нѣтъ препятствій понимать это послѣднее выраженіе и въ смыслѣ собственности и въ смыслѣ владѣнія и пожизненнаго пользованія.

Возражая г. Панченкѣ, г. Мутафчиевъ пришелъ къ выводамъ весьма основательнымъ, и для начинающаго ученаго работа его вполне удовлетворительна.

II. Безобразовъ.

Albert Vogt. *Basile I et la civilisation byzantine à la fin du IX siècle.*
Paris 1908. Стр. XXXII+447. Ц. 7 fr. 50.

Молодой французскій ученый Альберъ Фогтъ, ученикъ Дия, посвятилъ свой первый трудъ царствованію основателя македонской династїи Василія I и проявилъ достаточный практической талантъ и большую для начинающаго эрудицію. Изъ предисловія видно, что автору извѣстны всѣ источники, хроники, юридическіе памятники, переписка, житія святыхъ, и что онъ основательно познакомился съ литературой предмета. Въ длинномъ спискѣ пособій значатся 20 русскихъ работъ, но повидимому Фогтъ читалъ только нѣкоторыя изъ нихъ. Въ дальнѣйшемъ его изложеніи имѣется много ссылокъ на диссертацию проф. Васильева, Скабалановича и Успенскаго, но упомянутыми въ спискѣ сочиненіями Васильевскаго, Лебедева, Сокольскаго и Соколова онъ совсѣмъ не пользовался.